

Сюэ Юань не знал, спит он или бодрствует, и только спустя долгое время он лениво ответил носовым голосом.

Чан Юй Янь открыл свой складной веер и несколько раз обмахивал себя веером, удивляясь:

— Сюэ Цзю Яо, ты действительно сделаешь такое для своего брата. С твоими способностями ты все равно был бы подставлен своим братом один раз. Каким бы глупым ни был твой брат, скажи мне честно, ты сделал это специально?

— Специально? - Сюэ Юань дернул ртом: — Мозг мальчика-разведчика действительно отличается от обычных людей.

Чан Юйянь похвастался перед Сюэ Юанем, что он станет обладателем первого приза, а в итоге он оказался искателем цветов. Тон голоса Сюэ Юаня каждый раз, когда он говорил Чан Юйяню "Искатель цветов", звучал для Чан Юйяня как сарказм.

Чан Юйянь в отчаянии постучал по краю кровати:

— Даже если ты не скажешь, я все равно догадаюсь.

Он был наполовину злораден, наполовину искренен:

— Уста маркиза Анле никогда никого не щадят, Его Величество никого не посылал распространять информацию об этом, но маркиз Анле уже наделал много шума по этому поводу. Но кроме сородичей, мало кто тебя ругал, по сравнению с тобой, у твоего младшего брата много разногласий.

Репутация второго принца Сюэ была полностью утрачена, за ним закрепилось звание глупого и ядовитого.

Сюэ Юань проигнорировал его, и только через некоторое время сказал:

— Ты напишешь для меня стихотворение.

Чан Юй Янь был ошеломлен:

— Что?

— Похвалите меня за мою галантность, - Сюэ Юань наконец открыл глаза, кровь в его глазах переполнилась, на первый взгляд, так ужасно, как будто его глаза переполнились кровью, что напугало Чан Юйяня, Сюэ Юань посмотрел на него и равнодушно продолжил, — внешность,

семейное положение, опыт, военные достижения... записывай их правильно

— Что, что это значит?

— Просто запиши это, - мрачно улыбнулся Сюэ Юань, скривив губы, — если ты хорошо запишешь, я награжу тебя чем-нибудь хорошим.

Два дня прошли быстро, и на третий день, как и во внутреннем святилище столицы, в летнем дворце официально заработали различные правительственные учреждения.

В частности, налоговые поступления из Хунани и Цзяннани составляют 30% от налоговых поступлений этих двух областей.

Все министры были в ярости.

Неизбежно, что среди семей будут более или менее скрытые поля. По мере того, как семьи, стоящие за министрами, становились богаче, император становился все слабее и слабее, и когда император ослабевал до определенной степени, рождались могущественные министры, которые узурпировали власть, после чего происходила смена династии.

Многие люди не понимали этой истины, а те, кто понимал, стали осторожнее в своих словах при могущественном императоре.

В глубине души они знали, что обычные налоги определенно не были реальными налогами, но 30%? Это было слишком страшно!

Когда министр внутренних дел закончил, министры недоверчиво посмотрели друг на друга, а министр чиновников вдруг вышел вперед, глубоко поклонился и даже признался Гу Юаньбаю.

Глаза Гу Юаньбая слегка сузились, и он многозначительно сказал:

— Что это за грех министра министерства финансов?

Губы министра на мгновение открылись и закрылись, и он поклонился, сцепив ладони перед собой:

— Мне стыдно.

Правитель Ли Чжоу полмесяца назад уже угодил в ловушку, тщательно расставленную Кун Илинем и лордами.

Не успели чиновники антикоррупционной инспекции удалиться, как последний пеший вызвал процессию Кун Илиня и других, чтобы доставить зерно и серебро для уплаты налогов. Тщательно подготовленная процессия была настолько заманчивой, что правитель Ли Чжоу сдерживался десять дней, но в конце концов не выдержал и подробно рассказал разбойничьим притонам, что через Ли Чжоу идет "большой жирный баран".

На этот раз разбойники вокруг Ли Чжоу и правитель Ли Чжоу, большой бич, были окончательно уничтожены.

Разбойников было так много, что не хватало даже людей из гвардии Дон Линя. К счастью, они заранее подготовились и связались с местным гарнизоном, который прятался в тени и не насторожил змей.

Гу Юаньбай приказал министру юстиции поехать с ним, чтобы разобраться с вопросом о связи губернатора Ли Чжоу с партией, поэтому он более или менее слышал об этом.

Лицо министра было изможденным, а выражение его лица выражало покорность.

Гу Юаньбай, естественно, знал, почему он так себя вел, ведь министр министерства юстиции был высокопоставленным чиновником, важной фигурой в "школе Шуанчэн" и представителем школы. Он и так чувствовал себя беспокойно из-за приказа Его Величества провести расследование в отношении губернатора Ли Чжоу, а теперь и вовсе перестал надеяться.

Это одна из причин, почему Гу Юаньбай ненавидит идею клики.

— Министр министерства юстиции не совершал никаких ошибок и всю свою жизнь добросовестно занимался государственными делами, так почему его должны обвинять? - Гу Юаньбай сказал: — Или вы имеете в виду, что когда один человек в вашей школе совершает ошибку, остальные, независимо от того, прав он или нет, пожертвуют своей жизнью и умрут вместе с ним, и будут поддерживать его независимо от того, красный он или белый?

Когда это было сказано в первый раз, некоторые люди в "школе Шуанчэн", которые по непонятным причинам собирались выступить в поддержку министра юстиции, мгновенно остановились в холодном поту.

Императора раздражало то, что партии должны были встать на одну сторону с другими ради общих интересов и потому, что их вынудила к этому благосклонность.

Они должны были это сделать, хотя знали, что это будет стоить им дороже, чем потерять свои официальные должности или даже жизнь, но они должны были встать на сторону своего народа, даже несмотря на горечь и скрежет зубов.

Поскольку это происходило с древних времен, такое поведение стало подсознанием людей, а с

таким подсознанием никто не сочтет это неправильным.

Они знали только, что люди из их фракции должны выступать в защиту своего народа.

Так министр встал на защиту Гу Юаньбая, который не собирался его преследовать, намереваясь признать свою вину.

Министр Министерства юстиции был ошеломлен и не смел произнести ни слова, склонив голову.

Гу Юаньбай равнодушно сказал:

— Отставить.

В этом и заключался смысл отказа от продолжения этого дела. Гу Юаньбай повернул нефритовый спусковой крючок на большом пальце и сказал:

— Реформа школы должна быть поставлена на стол после внутренней и внешней стабильности.

Одна из вещей, которая могла бы оказать радикальное влияние на школу, - это школьный реестр для учеников в современную эпоху. Другая - унификация пунктуации по всей стране.

Только когда, как в наше время, все ученики смогут сдавать экзамены только при наличии государственной школьной ведомости, когда школьную ведомость можно будет получить, только поступив в государственную школу, только тогда эти заскорузлые школы и отбросы культуры получат серьезный удар.

<http://bllate.org/book/15154/1338917>